Танец на лезвии между Левым и Правым

Танец на лезвии между Левым и Правым

Твардовски

Друг мой, слушай, я сейчас приоткрою тебе свой внутренний шкаф, где висят все мои невыглаженные мысли, как рубашки после ливня.
Я выглаживаю книгу про смысл и смыслы, прямо сейчас, пока ты это читаешь. Я глажу её не утюгом, а своим вниманием, своим внутренним чесноком, который выгоняет лукавых тараканов из чердака сознания.

И вот что я понял: нужно писать не потому, что «надо», не потому что «так правильнее», не потому что «публика оценит», а потому что внутри вдруг просыпается эта тёплая змея, которая шепчет: «А давай-ка ты сам узнаешь, что ты думаешь?»
Ведь пока ты просто думаешь — это как туман за стеклом. Но как только ты начинаешь писать, каждое слово становится каплей, оставшейся на стекле, и ты наконец видишь, что за пейзаж у тебя в голове.

Я понял: нужно писать про то, что ты прямо сейчас читаешь, смакуешь, перевариваешь в желудке души. Не оценивать, не размышлять, хорошо это или плохо, а просто ставить буквы, как будто раскладываешь карты таро для себя, а не для публики на базарной площади.
Потому что оценка — это как прилипшая жвачка на ботинке: она мешает идти, заставляет топтаться и смотреть под ноги вместо того, чтобы глядеть на звёзды.

Когда я пишу, я как бы чищу свои окна. С каждой страницей понимаю, где у меня пыль, где паук завёл семью, где я забыл обнять свои старые мысли.
И с каждым этим пониманием рождается новая дорожка: «Ага, вот тут мне хочется копнуть ещё глубже, а тут я вижу тупик, а здесь вообще портал в другую Галактику!»
Это как готовить борщ: пока не попробуешь на вкус, не узнаешь, чего не хватает — может, соли, а может, драконьей слюны.

И каждая строчка — это как спонтанный танец на кухне под нелепую песню, когда никто не смотрит. Там нет правильно-неправильно. Там есть только «хочу» — но не из капризности, а

из живого сердечного позыва, из той самой загадочной глубины, где рыбачат настоящие боги.

Так что я понял: писать надо, чтобы самому понять, куда дальше плыть по этому океану смыслов, который одновременно и гладкий, как зеркало, и бурный, как пьяный бармен в 4 утра.
Не для лайков, не для одобрения, не для духовного резюме. А чтобы просто стать чуть более честным перед самим собой.

И тогда из-под пера вылезают странные осьминоги мыслей, смешные уточки идей, которые сами тебе машут лапками: «Поговори про нас! Напиши о нас! Мы тоже хотим в свет!»
И вот ты сидишь с этими осьминогами, пишешь, хохочешь, грустишь, снова хохочешь, и так до тех пор, пока вдруг не услышишь: «Щёлк!» — и всё встаёт на место, как пазл, который ты собирал на ковре двадцать лет.

«Танец на лезвии между Левым и Правым»

Я начну, вдохну эфир, раскручу зрачки по спирали. Потому что невозможно рассечь реальность топором причинно-следственной логики и остаться трезвым. Погнали в первую часть, как будто мы пьём чай с грибами под лунным дождём.

Слева у меня стоит черная кошка, лениво вылизывает свою лапу, щурясь на свечу. Она напоминает мне о Левом Пути. Там, где ночной ветер шепчет тебе: «Зачем тебе молиться кому-то? Зачем стоять на коленях, если у тебя уже есть колени, чтобы плясать?». Левый путь — это, как если бы подросток в пубертатном угаре понял, что он может сбежать из дома и построить свой собственный замок из костей ящериц и зеркал.

Здесь нет пастыря с мягким голосом. Здесь — хрустальный смех Чёрной Мадонны, ведьмы на метле, самурай без хозяина, который

обнажает меч не ради долга, а ради собственного дзэна. Пример? Алистер Кроули, дедушка психоделического рока и магических оргий. Он не хотел становиться каплей в океане, он хотел стать самим океаном, разъярённым и светящимся в темноте.

Текст? Ах, он бы процитировал сам себя: «Do what thou wilt shall be the whole of the Law.» Но мы же не цитируем, мы — пережёвываем нервами.

Левый путь — это, как если бы ты решил съесть всю коробку шоколадных конфет и при этом заставить каждую конфету подчиняться твоей воле, превратить их калории в чистую плазму намерения. Это путь тёмного алхимика, который не хочет раствориться, он хочет сгуститься, уплотниться, стать чёрной дырой, втягивающей все желания.

В жизни такие персонажи встречаются не только в пыльных гримуарах. Посмотри на современных бизнес-гуру, которые утверждают: «Ты можешь всё, просто верь в себя и продави мир локтем». Похожи? Более чем. Даже Илон Маск в своей публичной ипостаси иногда играет в левый путь: «Мы построим колонии на Марсе, наплюём на ограничения!». Здесь воля — как острый лом в ночи.

Литература? Конечно. «Прометей» Эсхила — архетип левого пути: ворует огонь у богов, чтобы отдать людям. Гордыня? Да. Освобождение? Да. Риск сгореть? Абсолютно.

Но смотри, вот тут тонкая трещинка. Левый путь не всегда про сатанизм с клыками. Он может быть мистически-нежным, если твоя воля обнимает мир, а не душит его. Как художник, который не спрашивает разрешения у академии, а выходит на площадь и рисует гигантский фаллос с радугой и подписью «Бог смеётся».

Левый путь говорит: «Если есть бог, то я его редактор». Вот где можно переписать текст жизни так, что в конце ты станешь фантомом собственного мифа.

И тут, я беру своё астральное перо и рисую вопрос: а ты

уверен, что ты — это ты? Или ты просто очередной актёр, мечтающий сыграть главную роль в спектакле под названием «всемогущество»?

*****

Справа у меня стоит белый голубь, он клюёт рассыпанный рис и смотрит на меня с укором, как будто я снова забыл позвонить бабушке. Вот он — Правый Путь.

Здесь не нужно становиться океаном, здесь нужно раствориться в океане. Это, как, если бы ты подошёл к морю и вместо того, чтобы орать на волны «Я ваш Господин!», ты тихо снял одежду эго и шагнул в солёные воды, растворяясь в соли и звуке чаек.

В Правом Пути тебя не зовут на корпоративную вечеринку у Люцифера. Тебя зовут на чайную церемонию у Лао-цзы, где тебе нальют безмолвие вместо чая, а на закуску подадут бесконечность. Человек здесь — это не центр Вселенной, а нота в космической симфонии. Как Бах умудрился вставить всю математику небес в свои фуги, так и адепт правого пути пытается встроить своё «я» в большую гармонию.

Вот тебе пример: Франциск Ассизский. Он общался с птицами, носил дырявый плащ, целовал прокажённых и говорил, что всё есть Бог. Он не хотел стать Богом. Он хотел исчезнуть так глубоко, чтобы осталась только любовь, вибрирующая, как колокол в утреннем тумане.

Или возьми, например, Толстого на поздних стадиях — когда он начал ходить босиком, раздавать деньги, спорить со своей женой о смысле жизни и мечтать о братстве народов. Толстой тогда явно нырнул в этот растворяющий океан, хотел стать каплей, которая не имеет имени.

Литература? Пожалуйста. Возьми «Бхагавад-гиту». Там Кришна говорит Арджуне, что действовать нужно без привязанности к плодам. Это прямо из Правого Пути: делай, но не цепляйся. Танцуй, но не жди аплодисментов. Строй замок из песка, зная,

что его смоет прилив, и при этом строй с радостью.

Здесь нет соблазна властвовать над демонами, здесь есть желание обнимать их, пока они не расплачутся и не станут детьми. Адепт правого пути смотрит на звёзды и видит себя не как потенциального хозяина галактики, а как молекулу в дыхании космоса. Ему не нужно доказательств, что он важен. Ему достаточно, что он есть.

Это, как если бы тебя пригласили в симфонический оркестр, но вместо того, чтобы вырывать скрипку у первого скрипача и махать смычком, ты сидишь в зале и рыдаешь от счастья, потому что понимаешь: ты — это и дирижёр, и виолончель, и последний стул в третьем ряду.

Правый путь говорит: «Ты не создаёшь Бога, ты вспоминаешь, что всегда был им в виде капли росы».

Вот такая комедия растворения, трагикомедия тишины, с финалом, где никто не хлопает, потому что никого нет. Все уже стали светом.

Ну что, слышишь этот еле слышный звон? Это эхо правого пути. Но не спеши, друг мой. Ещё рано ставить точку.

*****

Я продолжаю этот психоделический вальс, как шаман, который танцует на крыше супермаркета, выкрикивая, что скидки на майонез — это манифестация Абсолюта.
Мы уже посмотрели в глаза и левому, и правому пути. Теперь давай ткнём палкой в самую мякоть: как эти пути рождаются в людях, как они пульсируют, как они съедают их завтраки и подливают кофе в их неврозы.

В человеке есть две базовые дрожи. Одна шепчет: «Хочу быть свободным, хочу быть солнцем, хочу быть хозяином всех своих демонов, хочу вырезать из пространства себе трон и сидеть на нём, как кот на подоконнике». Это левый путь.

Другая дрожь лепечет: «Я устал, мне холодно, мне бы к маме-абсолюту под одеяло космоса, слиться, чтоб никто не звал меня на отчёт по налогам, чтобы исчезли роли и маски». Это правый путь.

И тут начинается цирк с конями, которые едят эклеры. Люди редко бывают чистыми левыми или правыми. Кто-то по утрам правый — медитирует, гладит кота, шепчет про любовь к миру, а вечером уже левый — орёт на продавца, пишет гневный пост в соцсети и манифестирует свои желания так, что соседи зовут полицию.

Пример? Гурджиев. Он вроде бы учил самодисциплине, пробуждению, но при этом любил повелевать, управлять группами, манипулировать психикой людей так, что современный коучинг нервно курит в сторонке. Его невозможно «пришить» к правому пути. Он был смесью сатирика, буддийского монаха и подпольного карнавала.

А кто-нибудь, вроде Махатмы Ганди, казалось бы, правый путь: ненасилие, смирение, соль, лён, козы. Но там тоже воля, железная, стальная. Он хотел перестроить весь колониальный мир под свою идею — не такое уж и полное растворение, а? Даже светлый святой иногда танцует с гордыней.

В литературе? Достоевский — это карнавал всех путей. Его Раскольников хочет стать Богом, отменить мораль (левый путь), но потом утонуть в покаянии и любви (правый путь). И он мечется так, что читателю хочется выйти на балкон и закричать в пустоту: «Дайте мне уже ясности!» Но ясности не будет, потому что именно этот разрыв — и есть мы.

Даже наши тела — лаборатория этих путей. Сердце толкает кровь: «Живи! Бейся! Двигайся!» — левый путь. Лёгкие шепчут: «Дыши. Отпускай. Растворяй всё в выдохе» — правый путь. Так и шагаем, как кот в тапочках по льду: то рыкнем, то заплачем.

Вот почему эзотерики иногда выглядят как пациенты психиатрической выставки. Они хотят сразу всё: стать богами и

растворитьcя в пустоте, править демонами и обниматься с ангелами, написать трактат и съесть его с вареньем. И всё это одновременно на фоне мантры «ОМ» и трэш-метала.

Но в этом цирке есть сакральный юмор. Как я, однажды, говорил одному философу (он тогда ел пельмени и плакал): «Брат, когда ты думаешь, что ты выбрал путь, знай, путь уже выбрал тебя. Ты всего лишь его поводок».

Вот за что я обожаю эти пути: они заставляют нас играть, как кот с клубком. Ты думаешь, что ведёшь нить, но на самом деле клубок катает тебя по всей кухне сознания.

Так что, если тебе кажется, что ты выбрал между растворением и овладением, посмотри в зеркало. Там ты увидишь либо святого, либо чернокнижника, либо одновременно обоих, жующих одно яблоко.

*****

Я иду, иногда, как шаман на роликах, который заблудился между ларьками с шаурмой и священными книгами. Вот мы уже знаем про левый путь: воля, господство эго, желание стать сверхчеловеком. И про правый: растворение, смирение, любовная инфузия в бесконечное молоко мироздания. Но, ах, друг мой, мир же не плоский, как старая пицца в холодильнике. В нём полно промежуточных тропок, тёмных чащ, мутных канализаций души.

Люди часто путают, думая, что левый путь — это «зло», а правый путь — «добро». Ха! Это как сказать, что шоколад — это всегда радость, а брокколи — всегда тоска. На самом деле, левый путь может вести к чудесной творческой свободе, к проявлению божественной искры в каждом движении кисти, в каждом крике саксофона. Джим Моррисон, например, лез к богам через глотку крика, сквозь зеленого змея. Он хотел разорвать завесу, не кланяясь никому. И это был левый путь, но при этом он искал истину, не просто кайф.

Правый путь тоже не всегда плюшевый медведь. Иногда это путь

полного отречения, настолько жёсткого, что тебе кажется, что отрезали душу. Монах, сидящий в пещере десять лет, может быть, не хочет ничего, даже себя. У него уже нет улыбок ни для публики, ни для себя.

Вспомни Раману Махарши, который в юности просто лёг в пещеру и перестал реагировать на мир. Муравьи ели его ноги, а он погружался всё глубже. Это не селфи с цветочком «я такой духовный», это — анабиоз в пустоте, где эго растворяется, как сахар в горячем чае.

Есть и такие, кто прыгает между путями, как заяц под кислотой. Кто-то медитирует утром, вечером идёт делать ритуал на вызов демона богатства, а ночью сидит на Фейсбуке, комментируя видео котиков с подписью: «Просветление уже близко». Это прекрасно. Потому что именно в этих шизофренических прыжках рождается то, что можно назвать живой духовностью.

Есть люди, которые всю жизнь идут по одному пути, но в старости вдруг меняются. Бизнесмен, всю жизнь гнавшийся за властью, за яхтами, за золотыми унитазами, вдруг начинает раздавать всё бедным, сходит в ашрам и сидит под деревом, обнимая корову. А бывает наоборот: добрый учитель медитации срывается и идёт торговать криптой, потому что «всё иллюзия».

А знаешь, что общего у всех этих маньяков просветления? Смех. Тот самый странный смех, который начинается, когда ты понимаешь: все пути — иллюзия, но пройти их нужно. И именно потому, что иллюзия, и ты тоже можешь играть. Играть до последнего вдоха, когда будешь выдыхать и слышать, как твои клетки шепчут: «Вот оно, Бинго!».

Я всегда говорил, что мир — это большой суповой котёл, куда бросили и Библию, и Махабхарату, и рекламный буклет с пиццей, и любовное письмо твоей первой девушки. Мы мешаем всё это ложкой намерения и хохочем, глядя, как шаманский перец встречается с ванильным буддизмом.

Так что иди, мой любопытный друг, иди туда, куда тебя тянет. И

помни: неважно, растворишься ты или станешь богом. В конце тебя всё равно встретит гигантская голографическая жаба и скажет: «Ну что, наигрался?».

И если ты в этот момент засмеёшься искренне, значит, ты понял всё. Ну или почти всё.
А теперь я снова слышу этот беззвучный гонг внутри черепа.

*****

Я сейчас так филигранно ткну пальцем в самую аорту Вселенной, что аж звёзды прыснут чаем на ковёр Ориона. Вот она, медуза истины: мир не дуален, он — как огромный кот, у которого шерсть одновременно чёрная, белая, рыжая, серая, ещё с фиолетовыми полосками, если смотреть через призму LSD.

Все эти наши разговоры про «левый» и «правый», про добро и зло, про растворение и господство — это всего лишь попытка разложить бесконечное полотно бытия на аккуратные тряпочки, чтобы повесить их сушиться в своём чердаке ума. Но в реальности нет этих сушилок. Всё перетекает, переливается, как кисель в аквариуме с неоновой рыбкой.

Смотри, даже самый злобный чёрный маг иногда обнимает кота и плачет под «Битлз», а самый сияющий святой может срываться, швырять тапком в ученика и думать, как бы заработать на ретритах. Оттенки серого? Да какие серые! Там радуга, там ультрафиолет, там инфракрасный смех Шивы, который никто не фиксирует приборами.

Ты говоришь про выбор. Ага. Мы любим думать, что мы — такие грозные командиры своей судьбы, как будто у нас пульт управления Вселенной на батарейках. Но, если прислушаться, становится ясно: наш выбор — это как выбор морской волны, хочет ли она обрушиться на берег или вернуться в океан. У волны, вроде бы, есть траектория, но каждая капля подчиняется неведомым танцам Луны и подземных гулов.

Намерение — вот ключ. Это как лазерная указка в тумане. Мы

можем направить свою энергию, задать вектор, как шаман, который решает, в какой костюм надеть беличий хвост. Но, друг мой, даже это намерение не рождается в вакууме. Оно всплывает из недр бессознательного, из кармического шуршания прошлых воплощений, из случайных запахов весеннего дождя, из слова, случайно услышанного в трамвае.

Карма — не судья с молотком. Она больше похожа на садовника, который ухмыляется, когда видит, что ты снова посадил кактус вместо розы, и ждёт, когда ты наконец обнимешь свои колючки. Карма — это не наказание и не награда. Это хореография твоей внутренней музыки. Хочешь танцевать фламенко на углях? Пожалуйста. Хочешь сидеть на облаке и мурлыкать «оммм»? Пожалуйста. Только знай: выбор танца — это и есть твоя карма.

И вот тут шутка. Какой, по правде, выбор, если все сценарии уже висят в божественной костюмерной, ждут своего часа? Можешь надеть костюм злого волшебника, можешь — святого монаха, можешь — безумного хиппи с бубном. Но ткань, из которой сшиты эти костюмы, одна и та же. Это ткань Абсолюта, сотканная из хохота, слёз и вечного «почему?».

Ты можешь сказать: «Я выбираю стать Богом!» — и тут же услышишь шёпот мироздания: «Да ты уже Бог, просто забыл, где оставил свой сандалий».
Можешь сказать: «Я растворюсь!» — и тут же поймёшь, что растворяться некуда, потому что ты всегда был океаном.

Вот и выходит: весь этот цирк с выбором, путями, знаками, гуру и демонами — это как детская игра в прятки, где мы сами себя ищем, сами же себе подмигиваем и сами же паникуем, что никто нас не находит.

А финальный аккорд, он такой: ты свободен настолько, насколько способен смеяться над своим выбором. Вот тогда и проявляется настоящее намерение. Настоящее намерение не рождается из страха, не из жажды власти и даже не из стремления к святости. Оно — как запах хлеба по утрам: появляется тихо, ниоткуда, но

его невозможно не заметить.

И когда ты действуешь из такого намерения, карма превращается в танец. Нет больше правильных и неправильных шагов. Есть только ритм. И если ты в ритме, то каждая ошибка — как импровизация джазмена, каждая потеря — как неожиданная реприза в спектакле, каждая боль — как острая специя в супе.

Так что дуальность? Пусть её едят те, кто верит, что жизнь — это таблица умножения. А мы с тобой продолжаем пить этот молочный коктейль из туманности Андромеды и хохотать, пока не упадём, обняв свои отражения в зеркале.

*****

Ах, дорогой мой читатель, заходи, снимай тапки, ставь свои вопросы у порога и открывай третье ухо. Потому что иллюстрацияк этому эссе — не просто картинка, а зеркальный портал, в который можно смотреть до рассвета, пока не поймёшь, что рассвет — это твоя собственная зевота.

Вот это сверкающее лезвие — это не просто металл. Это твоя собственная жизнь. Та самая, острая, на которой ты режешь хлеб смыслов и иногда случайно палец своего эго. Лезвие уходит вдаль, как мост в никуда, потому что ни хаос, ни безмолвие не имеют финальной остановки. Это вечная дорога, которую не обойти за выходной, даже если у тебя хороший термос и бутерброды с просветлением.

А танцор? Ну, это ты. Да-да, именно ты, который сейчас читаешь и думаешь, что это про кого-то другого, какого-то эзотерического персонажа в балахоне. Нет. Это твоя собственная суть, та, что по утрам варит кофе и одновременно варит Вселенную в одной кастрюле.
То он светится, как северное сияние, то исчезает, как пароль от вайфая в монастыре. Он то хочет стать Богом, то хочет раствориться в объятиях Абсолюта. В нём живут одновременно и рок-звезда, и старец с монастырского холма, и уборщица космического мусора.

Левая половина его тела — этот чёрный дым, горячий, липкий, манящий, зовущий: «Ты можешь! Ты властелин! Ты сам себе алтарь!» Это твои желания стать режиссёром мира, командиром кармы, той самой маленькой Вселенной, где ты король и почтальон одновременно.
А правая половина — светлая, почти медовая, зовёт: «Отпусти, забудь, стань росой на лотосе, стань облаком, стань запахом лета на коже…» Там ты не хозяин, а дуновение.

Искры под ногами? Это последствия каждого твоего шага, каждое «да» и «нет», каждое «пошёл к чёрту» и каждое «обними меня». Эти искры оставляют узоры на пространстве, как почерк безумца на стенах палаты.

А что там по краям? Слева адская дискотека теней — амбиции, демоны, змеи, печати. Это всё, чем ты хочешь управлять, чем хочешь играть, что хочешь подчинить и поставить себе на полку, как коллекцию чужих душ.
Справа же — мягкий медитативный суп. Лотосы, струны, росы, фигуры, растворённые в тумане. Это всё твои попытки раствориться, исчезнуть, стать тишиной в шуме.

Руки танцора раскрыты — он не держит ничего, кроме пространства. Он — как весенний ветер в штанах. Он принимает, не хватая. Это жест предельного доверия: «Я не знаю, куда это ведёт, но я всё равно шагаю.»
Лицо смеётся, потому что знает, что вся эта клоунада — шутка Бога. Но глаза серьёзны, потому что за каждой шуткой стоит бездна, и в этой бездне живут ответы, которые никто не задавал.

И наконец, эта надпись: «Танец на лезвии между Левым и Правым». Она не командует, не указывает, она просто констатирует.

Ты видишь? Здесь нет финала, нет золотой медали за правильный путь.
Есть только танец. Танец — как смех в пустой церкви. Танец —

как прыжок с парашютом, зная, что парашют может быть иллюзией. Танец, где каждый шаг не ведёт тебя к цели, а открывает ещё одно измерение, где ты снова не знаешь, кто ты.

Вот такая расшифровка. А теперь вдохни. Пора продолжать свой собственный танец.